

Ì à ò ð è à è ù è á è ï ã ò è è Á ï ð è ñ à À ï è ò ð è à è ÷ à Æ ð è ã ï ð ù à è

(Í è ñ ù ï à Á ï ð è ñ à Æ ð è à ï ð ù à à à è á à ð í á ñ ñ à Ì à ð è è À ï è ò ð è à à ï à Æ ð à ï à à è ù)

В феврале 2009 г. исполнилось 70 лет со дня смерти Бориса Григорьева и восемь лет со времени смерти его единственного горячо любимого сына Кирилла. Вилла «Бориселла» (Cagnes-sur-mer, Прованс, Франция), бывшая с 1927 г. местом основного местожительства семьи Григорьевых и местом их кончины, снесена. Судьба наследия, в частности архива художника, неизвестна.

В Псковской картинной галерее экспонируются пять значительных по качеству исполнения холстов, принадлежащих кисти Б.Д. Григорьева. Без созданного художником Борисом Григорьевым (1886 - 1939) невозможно представить историю отечественного искусства. Ныне это звучит аксиомой. Однако как при его жизни, так и после нее, его известность носит парадоксальный характер.

Некогда «парадоксом на плоскости» были названы рисунки Бориса Григорьева (Н.Пунин), а утвержденная самим заглавием значимость его творчества («От Репина до Григорьева» Н.Радлова), выраженная в форме трех взаимоисключающих суждений, как бы спроецировались на его будущую посмертную судьбу его творческого наследия.

Шумная известность Григорьева – «летописца» России в 1910 - 20-е гг. на родине и за рубежом сменилась в последующем долгим замалчиванием его творчества и имени, гораздо более длительным, чем имена таких утонченных эстетов в выборе тем, как А.Бенуа, например, и К.Сомов – старшие «мирискусстники». Только ли «политический аспект» тому причиной?

Экспонент большого количества не только групповых, но и персональных выставок всего мира, он «удостоился» персональной выставки на родине только в 1989 г.

Антипова Римма Никандровна – научный сотрудник Псковского музея-заповедника

(К 50-летию памяти) в провинциальном городе Пскове (продолжена в январе 1990 г. в залах Советского фонда культуры в Москве). Выставка состоялась в Псковском музее-заповеднике при содействии и по письменному благословению председателя Советского фонда культуры академика Д.С. Лихачева как «дела нужного» для русской культуры. Выставка включала около 200 живописных и графических произведений, а также книги, оформленные и иллюстрированные автором, включающие зачастую и его статьи (ведь вторая «ипостась» Бориса Григорьева - литератор), работы, созданные, в основном в период до эмиграции (1919). В выставке приняли участие 20 музеев и 15 частных собраний страны. Был издан и выставочный вариант каталога.

«Испытание» художника выставкой прошло более чем успешно: перед многочисленными ценителями искусства предстал мастер «серьезный и беспощадно правдивый» (как его характеризовала современная ему критика). От раннего «бурцевского» периода через трагический гротеск к «Расее» и портрету, вплоть до созданного в 1930-е гг. (в частности двух портретов С.В.Рахманинова из ГММК им. М.И.Глинки) - таков хронологический диапазон псковской выставки Бориса Григорьева.

Принимавший активное заинтересованное участие в подготовке выставки сын художника К.Б.Григорьев (1915 - 2001) готов был предоставить для экспонирования работы из своего собрания (в том числе знаменитую «Расею», созданную в 1920 г., - ныне собрание Г.Вишневской). Согласие на участие в выставке пришло также и из муниципального музея Cagnes-sur-mer и из центра Жоржа Помпиду, однако принятие на выставку зарубежных работ превосходило возможности Псковского музея.

Выставка 1989 - 1990 г. донныне остается единственной. Возможности знакомства с наследием мастера, создавшего, по утверждению Е.Г.Григорьевой, жены художника, за свои 52 года столько произведений, сколько Тициан за 90, хранящимся ныне в музеях и частных собраниях всего мира, по-прежнему не реализованы.

А «престижные» выставки русского искусства, такие как «Москва - Париж» (1981 г.); «Москва - Берлин» (1996 г.) игнорировали его участие (парадокс?).

Научное изучение наследия художника, активизированное Псковской выставкой и открывшимися одновременно с ней Читениями на тему «Борис Григорьев и художественная культура начала XX века», было продолжено на II и III Григорьевских чтениях, которые (как ни парадоксально!) остаются «прерогативой» Псковского музея. Крупные музейные центры в Москве и Петербурге в вопросе организации как выставки художника, так и научной конференции остаются пассивными. Между тем участие в Читениях (материалы которых опубликованы в изданных во Пскове сборниках) специалистов-исследователей из разных областей культуры (искусство, литература, философия) свидетельствует о богатой почве для размышлений, которые дает творчество художника.

В 1990-е гг. кроме статейной литературы появились исследования монографического характера. К сожалению, подготовленная нами книга-альбом с богатым иллюстративным материалом, с включением целого раздела писем и статей художника не вышла в свет.

В 1992 г. в Неймегене (Голландия) вышла монография (на английском языке) голландского исследователя творчества Б.Григорьева, постоянного участника Григорьевских чтений, автора скрупулезных по проработке материала исследований Сержа Стоммелса.

В 1995 г. была издана книга преподавателя Уральского университета Т. А. Галеевой «Борис Григорьев» – очерк о жизни и творчестве художника. Значительное исследование, посвященное, к сожалению, только циклу «Расея» (1917 - 1918), принадлежит доктору искусствоведения Г.Г.Поспелову. Его книга

«Лики России Бориса Григорьева» была издана в 1999 г. на средства президента.

Все вышеизложенное настоятельно говорит о необходимости длительных усилий исследователей, работающих в разных областях русской и мировой культуры, чтобы «разгадать» творчество художника, «преданного искусству до фанатического обжигающего пламенения» и открытого всем духам времени.

В связи с этим письма Бориса Григорьева к баронессе М.Д.Врангель (1856 - 1944), находящиеся ныне в составе ее архива «Материалы о русских беженцах на чужбине и культурных достижениях после революции 1917 - 1933», представляют особую ценность.

Архивообразователь М.Д.Врангель - мать главнокомандующего русской Белой армией генерала П.Н.Врангеля (1878 - 1928) и историка искусства и художественного критика Н.Н.Врангеля (1882 - 1915). Была она «настоящей духовной воспитательницей своих сыновей, принимала активное участие в художественных делах младшего, помогая ему (...) «Потеряв мужа и обоих сыновей, живя в эмиграции, - пишет А.Бенуа в книге «Мои воспоминания», - она принялась за составление словаря современных русских художников». С этой целью она обратилась к художникам, проживающим в эмиграции. «Самое трудное в моей работе отыскивать их адреса. Я подсчитала: за год написала писем 1684, а у меня ни секретаря, ни машинистки. (...) Преинтересная у меня работа (...) – пишет она М. В. Добужинскому. – В архиве баронессы 53 письма Бориса Григорьева и его жены Елизаветы, написанные между 1 января 1930 г. и 1 ноября 1931 г., статьи, каталоги выставок, фотографии». Ксерокопии писем, хранящиеся в Статфорде (Калифорния, США), были любезно присланы нам хранителями архива в 1992 г. Удалось нам познакомиться и кратко законспектировать 31 письмо баронессы (с 25.01.1930 по 23.12.31), хранившееся еще в 1996 году на вилле «Бориселла». Несколько писем баронессы к М. В. Добужинскому того же времени (хранятся в отделе рукописей республиканской библиотеки Литвы) служат своеобразным комментарием к переписке и помогают понять неожиданный обрыв ее.

В обширном эпистолярном наследии Б. Григорьева, разбросанном по всему миру, принадлежащем как государственным, так и частным хранителям, письма к баронессе М.Д. Врангель занимают особое место. Продолжавшаяся около двух лет переписка отличалась регулярностью (одно-два письма в месяц, а иногда и более) и уже в силу этого дневниковым характером. В ней содержатся не только сведения об основных событиях каждодневной жизни Григорьевых, в том числе и прошлой – «расейской», но и размышления о мире людей и животных, об искусстве и собственном творчестве, об отношении к России и Богу, о непостижимой сложности личности и ее таинственной мистической взаимосвязи с миром, о поисках «подлинного» человека и отвращении к пошлости «общих мест» и другом.

Из чисто деловой (какой она могла быть) эпистолярная связь художника и баронессы приобретает с первого письма более глубокий смысл. Ниже предлагаем вниманию три первых письма художника. Первое письмо лаконичное и содержит ответы на вопросы анкеты, разработанной баронессой и известной Григорьеву с подачи Н. Миллиоти: 1. Краткая биография. 2. Когда попал за границу. 3. Чем, когда и где выставлялся. 4. Фото с подписью. (В первом кратком письме Б. Григорьева уже проявляется то качество, которое так пленяло в художнике, - исповедальная искренность, позволяющая судить о его «внутреннем человеке»: «я совсем разошелся с собой», «стал мизантропом», об его понимании и оценке созданного («Я стал (...) живописцем (...) я всегда, оказывается, был им, хотя и скрывал тщательно, играя роль провидца и историка»). Уже в самой первой фразе, в ее стиле наивно-трогательное, какое-то детское обращение «оправдание» посылки письма. Некий эпический характер ритмов повествования и расположение на листе «строфами» характеризует автора письма как поэта и графика, выражая одновременно поклонное отношение к баронессе. Это не раз впоследствии выражается в открытой словесной форме. «Я очень ценю нашу переписку, а Вас очень уважаю и даже люблю» (№ 7, март 1930), «Удивительно правдивая и чистая Ваша душа приводит меня в восхище-

ние» (там же). «Глядя на Ваше лицо (на присланной фотографии. – Р.А.) и на честную фигуру, на умное и бодрое лицо – подлинное лицо редкого человека» (№ 9, апрель 1930). «...Как бы я гордился, имея такую мать» (там же). А после прочтения присланной баронессой книги Н.Е. Врангеля «От крепостнического права до большевизма»¹ художник даже не решается послать ответ, ограничиваясь припиской к письму Елизаветы (№ 28): «Вы лучшие люди, которых знал Ваш Борис Григорьев».

Доверительно-сыновний тон писем художника, невозможность лгать (его творческий принцип) заставляло «не щадить себя» и не раз ставило его в глазах баронессы «с самой непривлекательной стороны» (№ 47, август 1931). Следствием явилось то, что их переписка, как свидетельствуют, в частности, ремарки баронессы на полях Григорьевских писем, не раз переживала критические моменты, пока не закончилась неожиданным для баронессы обрывом ее.

К сожалению, мы не можем использовать в полной мере ответные письма Марии Дмитриевны, хранившиеся до смерти сына художника Кирилла Борисовича Григорьева (2001) на вилле Бориселла (Caques sur mer, Прованс, Франция), с которыми нам удалось познакомиться во время краткого пребывания на вилле в 1996 году. Приведем, однако, их оценку в одном из писем Елизаветы: «Ваши письма так молоды, бодры, веселы и остроумны, что жаль, что их не читает весь мир, а они остаются запертými в письменных столах» (№ 43, май 1931).

Некие симптомы возможных несогласий (скорее психологических) возникают уже в марте 1930, когда Григорьев считает необходимым объяснить: «Я очень ценю нашу переписку, а Вас весьма уважаю и даже люблю. Вы никогда меня ничем не огорчили. И я приношу все мои извинения, если в моих письмах где-нибудь был неучтив с Вами или как-нибудь неаккуратен с Вами». Причину возникших недоразумений он видит в себе. «Это бывает со мною часто, когда я себя ненавижу, а Вы уже знаете, что я себя совсем не люблю, совсем» (№ 7). А в январе 1930, судя по письму Е. Григорьевой (№ 24), в эпистолярных отношениях наступает явный кри-

зис: «...Вы почему-то прощаетесь с нами, не хотите нам больше писать и БД и я теряю такого большого человека, как являетесь Вы Вашими прекрасными письмами». Через две недели (№ 25, 22 января) набрался сил для ответа художник. Его ответ отличается благородной корректностью: «Вы пишете: «По многим причинам хочу прекратить переписку» <...> Письма Ваши тщательно храню. И если когда-нибудь напишете мне, то весьма меня обрадуете».

Причиной размолвки оказалась невозможная в силу нравственных понятий баронессы «двойная роль» из-за одновременной переписки с Б. Григорьевым и его супругой (№ 26). Однако эпистолярная связь между М.Д. и Григорьевыми в форме взаимоотношений между «наставницей» и «воспитанником»² сохраняется.

В июне 1931 г. (№ 44) возникает, однако, судя по письму Григорьева, серьезная угроза полного разрыва. Художник в нем прилагает усилия, чтобы сохранить переписку и вернуть исчезающее взаимопонимание: «Полубив Вас очень, не мог не считаться с Вами и моим к Вам расположением. Как матери писал Вам мои письма, как большой женщине сказывал я Вам свою душу <...> Вот, баронесса, я тоже, хоть и очень ленивый человек, но пишу это Вам, чтобы хоть немножко объяснить Вам самого себя и не расставаться с Вами так неожиданно и с таким срамом».

Выходя из роли «воспитанника», художник с недоумением и даже укором обращается к баронессе: «...Неужели же, баронесса, с Вашим великим опытом, признаете такие краски, какие бывают на флагах? Такие мысли, какие бывают в книгах, такие законы – какие придумали люди и такие высоты и низы, какие можно измерить бездарно-точной математикой, элейной этикой, малиновым звоном колоколов, постными щами классиков и скромной пошлостью заветов истории...»

Это интереснейшее письмо, которое уже публиковалось нами (не полностью) в сборнике П Григорьевских чтений, пожалуй, наиболее автопортретно. Реакция баронессы заключалась не просто в ремарках на полях: «какой бессвязный лепет», «какая чушь», но и последующим молчанием. Уже в августе Григорьев не выдерживает (№ 45): «Беско-

нечно, дорогая баронесса, я скучаю, я решил Вам не писать, потому что Вы мне запретили это, но я не могу Вам не писать, я соскучился по Вас, моя душа скорбит, она не плохая, она больна немножко, и весь я болен, весь в горестях, в безумной тоске по России, по русскому человеку – как раз по русскому, всему русскому».

В конце августа (№ 47) Григорьев, получив письмо, высказывает радость, что «выказав себя с самой непривлекательной стороны, не щадя себя, заслужил, наконец, в Вашем лице похвалу самому себе».

Однако внутренняя взаимосвязь оказалась надорванной: после двух писем (№ 50 от 29.09 и № 51 от 06.10) только через два с половиной месяца было написано Григорьевым письмо – последнее (№ 52). Прекращение эпистолярных отношений, непонятное для баронессы, вызвало болезненно-резкую реакцию в письме ее к Добужинскому от 10.11.1933³, характер которой не соответствует образу, встающему из писем Григорьева.

Причины взрыва покоятся отнюдь не в уязвленном самолюбии художника: «Вы меня браните, поучаете, а временами просто высмеиваете и все это делаете «на Вашу же пользу». Мне, право, нет дела до людского самолюбия, ибо и свое самолюбие, похожее на то, что Вы думаете, я давным-давно искоренил в себе» (№ 36). Они уходят в глубины мировоззренческих основ и прежде всего касаются отношений к Богу, людям, России: «Первые мои грусти и разочарования были в те дни юности, когда мне впервые пришлось в голову глубоко задуматься о том, какие у меня родители? Какая у меня религия, что такое значит человеческий бог и что такое Россия?» (№ 10). Воспитанная в старинном дворянском роде, исповедующая православное вероучение, нравственным нормам которого она следует в жизни, баронесса умеет любить и прощать людей. Григорьев, выросший в семье с «размытыми» корнями, в которой безрелигиозный быт – норма, культивирующей мир чувств, незаконнорожденный, был по воспитанию антиподом М.Д. Врангель. Несмотря на то, что он «предупреждал» баронессу, что он «только шутит на большую тему», а «серьезно только молчит (молчу)» (№ 41), для нее не может не звучать «бого-

хульством», например, нижеследующий эпизод из воспоминаний Григорьева. Сопоставляя себя с библейским богоборцем Иаковом, он пишет: «Бога я давно и по всем правилам (когда мне было 14 лет и когда первый раз меня выгнали из гимназии) положил на обе лопатки» (№ 36). Комментируя баронессе подобные эпизоды и называя художника «озорником», Елизавета, как более значимые для понимания личности художника, приводит воспоминания о поведении Григорьева в храме во время причастия Кирилла перед поездкой в Чили: по лицу его текли слезы.

Ранее, в статье «Дума художника»⁴, наполненной любовью к миру, он пишет, что в будущем, когда «МИР снова будет цельным, и в одном человеке будет жить только один человек, кроме Бога. Я думаю, что людям придется, в конечном счете, примириться в Боге, ибо там, где его нет, уже торжествует опаленный черт. Среди скифов он стал так смел, что его уже можно увидеть простым глазом».

Человеконенавистнические строки (продиктованные, несомненно, романтическим идеализмом), за которые баронесса не раз именвала его «людоедом»⁵, были таким образом прокомментированы Григорьевым: «В том-то и беда, что мне не хочется никак быть с людьми: ни плохим, ни хорошим, да и вообще с ними быть не хочется. Ну, а то, что я «ищу людей», за что Вы меня готовы сейчас же осмеять, это и значит, что искания, мне вообще свойственные очень, должны же навести меня хотя бы на след, оставленный настоящим человеком» (№ 36).

В письмах постоянно сталкиваются такие проявления натуры художника в словах и поступках, которые кажутся взаимоисключающими: «я полон любви, да какой...» (№ 47) – «не люблю человека, даже запаха его не переношу» (№ 44), «о, век ничтожный, век ничтожеств, большевистский век» (№ 13), взрывное, оскорбляющее поведение и слезы – от музыки, от внимания... (№ 44).

В одном только он неизменен: в определении роли, места и значения искусства в жизни. «Вы называете искусство роскошью, другой скажет о нем, что оно – религия, третий – власть. Все это живет на содержании у людей, люди платят за все, что больше их

самых, <...> без художника все затоскуют» (№ 13). Искусство – форма служения людям, искусство – «святая жертва», «отдайте всю вашу жизнь искусству и только тогда Вы назовете себя художником» (№ 6). «Не знаю, какое сегодня число. И кажется, забыл все на свете. Однако помню, что значат слова «на сто сотых» (там же) таланта.

Творчество для Григорьева – мистический дар, обладающий непосильной тяжестью: «Я столько передумал, пережил за эти 11 лет, пока собирал материал и куда писал, что почти разболелся от этой антипатичной вещи», – пишет он после завершения грандиозной композиции «Лики мира»⁶ (№ 17). Осознавая в полной мере значение созданного, он замечает: «Как хорош Лесков и его соборяне. Как хорош Л. Толстой, точно также хороши «Двенадцать» Блока и моя «Расея», но я не люблю тех мук, какие создали подобное, но я наслаждаюсь краскою и формою в творчестве» (№ 51). Диапазон его самооценок включает как осознание себя «первым мастером в мире» и среди самых важных величин отечественного творчества (№ 51), так и понимание, что «ничего хорошего я тут не сделал, мои холсты слабы и неинтересны» (№ 7), «находился в разладе с собой от неудачи в работе» (№), «я не люблю моих работ уже сделанных» (№ 6). Однако он трудится и этим только жив, ищет творческого выражения, в котором общие места (т. е. не бывшие открытием) стали бы вовсе отсутствовать» (№ 44). Таким любовным открытием была для Григорьева работа над портретом Рахманинова: «Шестьдесят четыре часа прекрасной музыки, совершенного контакта и работы на сто сотых» (№ 20). «Расейские» образы сопровождают его всю творческую жизнь, вплоть до последних тридцатых годов, выражая его тоску по покинутой и недоступной родине: «Когда я думаю (а я почти всегда стараюсь не думать) о реке Мсте, о русском лесе, о том, какая там трава, грибы и какой запах от земли, то падаю в обморок» (№ 31). «...браня Россию, браню я себя самого и тех, кто еще более повинен в потере родины» (Там же). «Вчера мы втроем пекли куличи и красили яйца, чтобы хоть этим вспом-

нить наши Пасхи в России», - читаем мы у Елизаветы Григорьевой (№ 34), в письмах которой содержится много интересных сведений и ярких штрихов, характеризующих художника Б. Григорьева, «его мятущуюся вечно ищущую натуру» (№ 16), «его золотое нутро» (№ 37) и «душу ребенка» (№ 39), помогая баронессе понять «стихийную бурную натуру» (№ 24) «большого художника» (№ 16). Нельзя исключать значение переписки с баронессой М.Д. Врангель в появлении замысла о написании книги воспоминаний «Моя жизнь». В конце октября Григорьев приступил к работе, но не кистью, а пером (№ 52, 53). Трехтомная рукопись книги

«Моя жизнь», которую художник писал с любовью и благорасположением, доньше не обнаружена.

Мы остановились на ряде важных моментов из писем Б. Григорьева, подчас импровизационно-сумбурных по построению, в которых баронесса находила признаки душевного неблагополучия. Осознает это и сам художник: «Боюсь, что плохо кончу» (№ 47). «Мое ремесло ужаснее всякой болезни, всякого излишества. Подлинное искусство есть подлинная трагедия» (там же) для «души ребенка», полной «любви и ласки» (№ 45) и открытой, без Божьего водительства (как у баронессы) всем «ветрам» времени.

Примечания

1. *Врангель Н.Е.* От крепостного права до большевизма / Выходными данными не располагаем: Париж, 1930 ?
Николай Егорович Врангель (1847-1923) – супруг М.Д. Врангель. О нем см. в ст. С. Гришкиной. Барон Н.Е. Врангель и его собрание / Антикварное обозрение. 2005, № 1. С. 68-73.
2. «Написали ли вы мне ниспосланному нежданно-негаданно воспитаннику моему Григорьеву» / Врангель М.Д. – М.В. Добужинскому, 2.05.1931. См. прим. 23.
3. «...А сумасшедший Григорьев и его жена, которые меня засыпали своими восторженно истерическими письмами без всякой причины без малейшего недоразумения, вдруг замолкли... и вот уже два года не знаю, что с ними» / М.Д. Врангель – М.В. Добужинскому, 10.11.33.
Письма М.Д. Врангель к М.В. Добужинскому хранятся в г. Вильнюсе, республиканская библиотека, ОР, ФЗО, оп. 2, д. 1079 (1931 год), д. 1081 (1933-34). Всего 79 л.
4. *Григорьев Б.Д.* Дума художника. 1920, 9 октября / Листовка. Вечер в пользу общества помощи русским гражданам в Берлине.
5. «Как он начнет клясть всех и вся, а я ему пишу: неужели Вы думаете, что кому-либо может быть приятно с таким «людоедом» переписываться» в письме М.В. Добужинскому от 13.04.31 / Вильнюс, прим. 23.
6. *Григорьев Б.Д.* Лики мира (1920-1931). 1930. Дерево, масло. 2,5 x 52 (на семи створках). Пражская народная галерея; О ней см.: *Антипова Р.Н.* «Лики мира» в творческой жизни Б. Григорьева / Б.Д. Григорьев и художественная ... Материалы III Григорьевских чтений. Псков, 2004. С. 89-100.